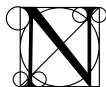


САША АРАНГО

САША АРАНГО

ПРАВДА
И ДРУГАЯ ЛОЖЬ



Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.112.2-312.4
ББК 84(4Гем)-44
А79

Серия «Психологический триллер»

Sascha Arango

DIE WAHRHEIT UND DIE ANDERE LUGEN

Перевод с немецкого *А. Н. Анваера*

Компьютерный дизайн *А. А. Кудрявцева*,
Студия «FOLD & SPINE»

Печатается с разрешения издательства
C. Bertelsmann Verlag, a division of Verlagsgruppe Random
House GmbH, Munchen, Germany
и литературного агентства
Prava I Prevodi International Literary Agency.

Аранго, Саша.

A79 Правда и другая ложь : [роман] / Саша Аранго ;
[пер. с нем. А. Н. Анваера]. — Москва : Издательство
АСТ, 2016. — 320 с. — (Психологический триллер).

ISBN 978-5-17-086634-2

Казалось бы, жизнь Генри Хайдена вполне удалась: он — знаменитый писатель, у него полно денег, прекрасный дом и верная, любящая жена. Но никто не знает, что и у Генри есть свои секреты... Охраняя их, он ловко лавирует между правдой и ложью, и поначалу ему везет. Однако в какой-то момент все начинает идти не так, и Генри совершает фатальную ошибку, которую невозможно исправить...

УДК 821.112.2-312.4
ББК 84(4Гем)-44

© 2014 by C. Bertelsmann Verlag, Munchen,
a division of Verlagsgruppe Random House GmbH,
Munchen, Germany

© Перевод. А.Н. Анваер, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

ISBN 978-5-17-086634-2

I

Плохо дело. Одного взгляда на картинку было достаточно, чтобы мрачные предчувствия последних месяцев подтвердились. Был четко виден скрюченный эмбрион, похожий на головастика. Один выпученный глаз смотрел прямо на него. А это что? Нога или щупальце на хвосте дракона?

Моменты полной уверенности случаются в жизни довольно редко. Но в этот миг Генри отчетливо увидел будущее. Этот головастик будет расти и в конце концов станет личностью. Он будет иметь право задавать вопросы и когда-нибудь узнает все, что должен знать человек.

На глянцевом ультразвуковом изображении размером не больше почтовой открытки справа от эмбриона виднелась вертикальная шкала оттенков серого цвета, слева столбик букв, а сверху дата, фамилия матери и фамилия врача. Генри ни на секунду не усомнился в подлинности этой картинки.

Бетти сидела за рулем и нервно курила. Скосив глаза, она увидела выступившие на глазах Генри слезы и ласково провела пальцами по его щеке. Ей

показалось, что это слезы радости. Но на самом деле он сейчас подумал о своей жене Марте. Почему она не смогла родить ему ребенка? Почему он вообще сидит сейчас в машине с этой женщиной?

Он презирал себя, испытывая нестерпимый стыд. Ему было почти физически плохо. Девизом Генри до сих пор было: жизнь дает тебе все. Но не сразу.

Полдень миновал. Со стороны прибрежных скал доносился ровный рокот прибоя. Ветер гнул высокую траву, шелестел о стекла зеленой «Субару». Генри подумал, что сейчас ему надо завести мотор, вдавить в пол педаль газа и, перемахнув через скалу, рухнуть в волны прибоя. Через пять секунд все будет кончено. Падение с высоты убьет всех троих. Правда, для этого надо встать, чтобы поменяться местами с Бетти, а это трудно, очень трудно.

— Что скажешь?

Что он мог сказать? Дело и в самом деле дрянь. Этот плод в матке уже наверняка шевелится, и Генри был достаточно искушен в жизни, чтобы понимать: не надо говорить, когда нечего сказать.

За все годы их знакомства Бетти видела Генри плачущим всего один раз. Это было в тот день, когда в колледже Смита в Массачусетсе ему вручали диплом почетного доктора. До этого она думала, что он вообще не умеет плакать. В тот торжественный момент Генри сидел в первом ряду и плакал, думая о жене.

Бетти перегнулась через рычаг коробки передач и обняла Генри, прислушиваясь к его дыханию. Потом он открыл дверь и поставил ноги на траву. Он представил себе лазанью, которую сегодня днем приготовил Марте. Как эта лазанья была похожа на эм-

брион. Генри едва не поперхнулся от этой мысли и судорожно закашлялся.

Бетти сбросила туфли, выпрыгнула из машины, обежала ее, вытащила Генри из салона и обняла его так, что он явственно ощутил вкус лазаньи в горле и в носу. Это просто феноменально, как Бетти умеет инстинктивно делать правильные вещи. Они, обнявшись, стояли возле машины, а в воздухе носились брызги прибоя.

— Теперь говори. Что мы будем делать?

На это мог быть единственный правильный ответ: дорогая, добром все это не кончится. Но такой ответ чреват неприятными последствиями. Их отношения изменятся, или он вовсе ее потеряет. Каяться будет поздно и бесполезно. Да и кто хочет по доброй воле отказываться от приятных удобств?

— Я поеду домой и все расскажу жене.

— Правда?

По лицу Бетти Генри понял, что она озадачена, да и он сам поразился своим словам. Зачем он их произнес? Генри никогда не был расположен к излишествам, рассказывать все совершенно необязательно.

— Что ты имеешь в виду под словом «все»?

— Все, я просто расскажу ей все. Довольно этой лжи.

— Но если она тебя простит?

— Интересно, как она сможет меня простить?

— А ребенок?

— Надеюсь, это будет девочка.

Бетти снова обняла Генри и поцеловала его в губы.

— Генри, иногда ты бываешь просто великолепен.

Да, иногда он мог быть великолепен. Сейчас он поедет домой и, отбросив ложь, заменит ее правдой. Он наконец все расскажет Марте, все без прикрас и со всеми неприятными подробностями. Ну не со всеми, конечно, а с самыми важными. Придется резать по живому, будут слезы, боль. Собственно, больно будет и ему. Настанет конец доверию и гармонии, царившей между ним и Мартой, но это станет и *освобождением*. Он перестанет быть бесчестным негодяем и испытывать вечный ужасный стыд. Правду надо предпочесть украшательству, а дальше будет видно.

Он обнял Бетти за стройную талию. В траве лежал большой камень. Пожалуй, этим камнем можно убить. Стоит только нагнуться и поднять его.

— Идем, садись в машину.

Он сел за руль и включил зажигание. Вместо того чтобы направить автомобиль на скалы, он немного сдал назад. Потом он часто думал, что это была его главная ошибка.

* * *

Вымощенная бетонными плитами дорога едва заметно вилась через густую сосновую рощу, ведя от скал к лесной дороге, где стояла машина Генри, почти скрытая низко свисавшими ветвями. Бетти опустила стекло, закурила очередную ментоловую сигарету и глубоко затянулась ароматным дымом.

— Она ничего с собой не делает?

— Надеюсь, что нет.

— Как она отреагирует? Ты скажешь ей, что это я?

«Что ты что?» — подумалось ему, и он едва не сказал это вслух.

— Скажу, если она спросит, — ответил он вместо того.

Конечно, Марта спросит. Любой человек, узнав, что его методично обманывали много лет, захочет узнать, почему, как долго и с кем. Это нормально. Обман — это загадка, которую всегда хочется разгадать.

Бетти положила руку с сигаретой на бедро Генри.

— Дорогой, нам стоит все хорошенько обдумать. Мы действительно оба хотим ребенка, или как?

Это Генри знал точно. Конечно, он не хотел ребенка и уж, конечно, не от Бетти. Она — его любовница, и она никогда не станет хорошей матерью, нет у нее к этому склонности, она слишком много внимания уделяет себе. Совместный ребенок даст ей неограниченную власть над Генри. Она сбросит маску и начнет давить на него, выжимая для себя все, что можно. Генри давно носился с мыслью сделать операцию стерилизации, но что-то его удерживало. Вероятно, он все же не терял надежды, что ребенок родится у них с Мартой.

— Он уже сам захотел появиться, — произнес он.

Бетти улыбнулась, хотя ее губы дрожали. Генри взял верный тон.

— Надеюсь, это будет девочка, — повторил он.

Они вышли из машины и снова поменялись местами. Бетти села за руль, машинально отжала сцепление и подергала рычаг переключения передач.

«Он явно не обрадован», — подумала она. Но можно ли требовать радости от мужчины, который

наконец решился круто изменить жизнь и разрушить свой брак? Несмотря на многолетнюю связь, Бетти плохо знала Генри, но была уверена в одном — он не предназначен для семейной жизни.

«Она не может на это рассчитывать, — думал в это время он. — Бетти не может рассчитывать, что ради нее я поступлюсь всем». Он не имел ни малейшего желания менять свое уютное уединение на семейную жизнь. К этому он был не готов. После предстоявшей исповеди Марте начнется что-то совершенно новое. Придется изрядно поработать над тем, чтобы стать другим Генри — Генри, живущим исключительно для Бетти. От одной этой мысли ему становилось нехорошо.

— Я могу что-нибудь для тебя сделать?

Генри кивнул:

— Ты можешь бросить курить.

Бетти затаилась и щелчком стряхнула с сигареты пепел.

— Это будет ужасно трудно.

— Да, это будет трудно. Я позвоню тебе после разговора с женой.

Она включила первую передачу.

— Как продвигается роман?

— Осталось совсем немного.

Он наклонился к открытой двери.

— Ты кому-нибудь говорила о наших отношениях?

— Абсолютно никому, — ответила Бетти.

— Это мой ребенок, не так ли? Я хочу сказать, что он на самом деле есть и родится?

— Да, это твой ребенок, и он родится.

Она потянулась к нему полуоткрытыми губами для поцелуя. Он неохотно наклонился и поцеловал Бетти. Она просунула ему в рот свой язык, похожий на гладкий, со стершейся резьбой, болт. Выпрямившись, Генри закрыл дверь «Субару». Бетти поехала по лесной дороге к шоссе. Некоторое время Генри смотрел ей вслед, пока машина не исчезла за деревьями. Потом он наклонился и подобрал в траве свою недокурную сигарету. Он верил Бетти. Она не лгала, для этого у нее не хватило бы воображения и фантазии. Она была красива, молода и спортивна, выглядела намного элегантнее Марты. И хотя Бетти была не так умна, как Марта, она отличалась тем не менее чрезвычайной практичностью. Теперь она от него забеременела. Генри знал это без всякого анализа на отцовство.

Холодный прагматизм Бетти импонировал Генри с их первой встречи. Если ей что-то нравилось, она просто это брала. Она была остроумна, обладала стройными ножками, веснушками на круглых, как апельсины, грудях, зелеными глазами и вьющимися светлыми волосами. На первом свидании она была одета в платье с изображением какого-то грозного зверя.

Роман начался сразу, с первой встречи. Генри не пришлось напрягаться, выступать, ухаживать; ему вообще не пришлось ничего делать, потому что Бетти считала его гением. Поэтому ей нисколько не мешал тот факт, что он был женат и не хотел детей. Ничего страшного, это был всего лишь вопрос времени. Она давно ждала такого, как Генри, — Бет-

ти говорила об этом вполне откровенно. По ее мнению, большинству мужчин не хватает величия. Один Бог знал, правда, что она имела в виду.

Между тем Бетти была главным редактором издательского дома Мореани. Начинала она помощником в отделе книжной торговли, но считала, что эта работа не соответствует ее квалификации выпускницы литературного факультета. Семинары были невероятно скучны, и Бетти раскаивалась в том, что не послушалась родителей и не пошла на юридический факультет. Но, несмотря на квалификацию, профессиональный рост задерживался, так как в издательстве не было подходящих вакансий. Во время обеденных перерывов она ходила по редакциям, чтобы взять там что-нибудь почитать. Однажды она просто со скуки взяла из стопки присланных, но не востребованных рукописей какой-то текст Генри, чтобы было что почитать в столовой. Генри послал в издательство текст как книгу, без всяких комментариев и сопроводительного письма, чтобы сэкономить на почтовых расходах. Впрочем, Генри был тогда очень стеснен в средствах.

Бетти прочитала тридцать страниц и забыла о еде. Она вышла из столовой и поднялась на четвертый этаж, в кабинет основателя издательства Клауса Мореани, где бесцеремонно вырвала его из послеобеденной дремоты. Через четыре часа Мореани лично звонил Генри.

— Добрый день, это Клаус Мореани.

— В самом деле? Святые небеса!

— Вы написали нечто чудесное, на самом деле чудесное. Вы никому не продали права?

Генри их не продал. Первый роман, «Фрэнк Эллис», разошелся по миру в десяти миллионах экземпляров. Это был настоящий триллер — в нем было много насилия и мало миролюбия, — история аутиста, который стал полицейским, чтобы найти убийцу своей сестры. Первые сто тысяч экземпляров были распроданы и наверняка прочитаны в течение одного месяца. Прибыль от романа избавила издательство Мореани от банкротства. Сегодня, восемь лет спустя, Генри считался автором бестселлеров. Его романы были переведены на двадцать языков, он стал лауреатом множества премий и бог знает чего еще. За это время в издательстве вышли пять романов Генри. Все они были экранизированы и поставлены в театре. «Фрэнк Эллис» даже включили в школьную программу по литературе. Генри стал живым классиком. Все это время он оставался мужем Марты.

Кроме него самого, только она знала, что во всех этих романах Генри не написал ни строчки.

II

Генри часто задумывался о том, как бы прошла его жизнь, не встретив он Марту. На этот вопрос он всегда давал один и тот же ответ: его жизнь осталась бы такой же, какой она была до встречи с Мартой. Он остался бы совершенно незаметной личностью, не достиг бы ни благополучия, ни свободы, не ездил бы на итальянской спортивной машине, и никто в мире не знал бы его имени. Здесь Генри был перед собой абсолютно честен. Он остался бы никем — вещью для себя. Конечно, борьба за существование закаляет, недостаток вещей придает им ценность; деньги теряют свою значимость, когда их становится в избытке. Но разве скука и пресыщенность не достаточно приемлемая цена за благосостояние и роскошь, и разве скучать и ныть в богатстве — это не лучше, чем страдать от голода и плохих зубов? Не обязательно быть известным для того, чтобы стать счастливым, к тому же популярность часто путают со значительностью, но с тех пор как Генри вынырнул из тьмы неизвестности на свет славы и популярности, он стал чувствовать себя намного комфортнее, чем раньше.

Уже несколько лет он был озабочен исключительно сохранением статус-кво. Добиваться большего не стоило. Он оставался реалистом, хотя это и было скучно. Рукопись «Фрэнка Эллиса» стала случайной находкой. Генри обнаружил ее, завернутую в кулинарную бумагу, под чужой кроватью, когда, морщась от пульсирующей боли в левом виске, искал под кроватью пропавший куда-то левый носок. Надо было еще посмотреть, нельзя ли чем-нибудь поживиться в чужой квартире. Женщину, лежавшую рядом с ним, он видел первый раз в жизни и не испытывал ни малейшего желания с ней знакомиться. Он видел ее только от ступней до поросшего шелковистыми каштановыми волосами лобка. Печка остыла, в комнате было темно, пахло пылью и нехорошим дыханием. Пора было уходить.

Генри мучился от нестерпимой жажды — накануне он много выпил. Что ж, вчера был его тридцать шестой день рождения. Никто его не поздравил. Да и кто бы мог это сделать? У такого бродяги, как он, никогда не бывает настоящих друзей, а родители давно умерли.

У него не было ни своей квартиры, ни стабильного дохода, ни представления о том, что будет дальше. Да и зачем об этом думать? Будущее скрывается во мраке неизвестности; тот, кто говорит, что знает его, — лжец. Прошлое — это зыбкие воспоминания и сочинительство; истинно лишь настоящее, оно дает нам шанс, а потом исчезает, становясь прошлым. Гораздо больше, чем неизвестность, Генри мучили мысли о совести. Чтобы узнать о будущем, надо знать, что скажут о нем на его могиле. Что можно ждать от смерти и разложения? С этой